

Ольга
Тригорьева

ДОРОГА, ПО КОТОРОЙ ШЛА...

СЛЕДЫ ЦВЕТАЕВОЙ

* * *

...И пролетело пять десятков лет.
Мы в Кокшетау ищем давний след
Цветаевой. Той, седовласой, младшей.
Где дом, в котором с внучкою жила?
Где та дорога, по которой шла?
Как после драки кулаками машем...

Стою у сопки, голову задрал.
О, Кокчетав, мой милый Кокчетав!
Цветаевской любви понятна нога.
Ведь можно в год любой, и день, и час,
Подняться вверх – сегодня и сейчас! -
И ощутить мгновения полёта!

А что внизу – неважно. Нищий быт -
Он будет хоть описан, но забыт,
Останутся картинки, всплески, блёстки,
Гладь озера и терпкий запах трав...
Как на ладони – новый Кокчетав,
Но музыки не стихли отголоски.

О, я нашла Цветаевой следы -
Не на горе, не в зеркале воды,
Но в голосах божественно-красивых!
И пусть её душа пребудет тут
На долгий век! Пока ещё поют
Стихи Марины и Анастасии.

* * *

Рене Жумановой

Чем запомнятся города?
Только встречами, дружбами...
В Кокшетау – февраль, и весна – как всегда,
С ветром, солнцем и лужами...

Чем же мил этот город, где встретились мы -
Дорогой мне, цветаевский,
Тот, где камешки Крыма, и Тарусы холмы,
И простор ново-галицкий?

Чем завлѣк он, озѣрный, спокойный, как сон,
По-вечернему палевый?
Тем, что бьются сердца – в резонанс, в унисон,
Как читали Цветаевы.

Воду талую пьют воробьи, ошалев,
Разлетаются брызгами...
И летит, не стихая, шемящий напев,
Над годами и жизнями.

* * *

Этот город весенний совсем незнаком...
Опрокинет звонком, обожжѣт кипятком,
И судьба обернѣтся чужая,
Что давно отлетела, как жѣлтый листок,
Проживая свой век, отбывая свой срок,
В глыбе льда на года замерзая.
Мы несѣм эту льдину наощупь, впотьмах,
Согреваем дыханьем и нянчим в руках
То, что любим, и ценим, и помним.
Пусть не год и не два, а столетье пройдет,
Но душа оживѣт и росток прорастѣт.
Мы дойдѣм, обморозив ладони.
Этот город весной оглушѣн, озарѣн...
Кто мы – нитка, и скрепка, и связка времѣн?
Просто долгое, долгое эхо.
Может быть, выбирая страну и тропу,
Кто-то вспомнит и нашу с тобою судьбу,
В этот город весенний приехав.

Кокшетау, 27-29 февраля 2016.

БЕЛОРУССКИЕ ЭТЮДЫ

БРАСЛАВ

Над Замковой горой стоит воздушный замок
Из белых облаков, из пышных облаков.
И музыка звучит в просторных гулких залах,
И князь уже влюблён и к подвигам готов.
Над Замковой горой идут века и годы.
Событья так ярки, что видишь их порой...
Предательство, любовь, осада и походы –
У Замковой горы, под Замковой горой.
То крепость на горе, то монастырь, то сцена...
А дышится всегда свободно и легко.
Какой бы ни была, история – бесценна.
Знать, видели князя далёко-далеко.
О, этот городок, его забудешь разве!
И если даже мы уедем до поры,
То будет сниться нам уютный тихий Браслав
На Замковой горе, у Замковой горы.

* * *

Жить у озера, в маленьком городке.
Плыть вдвоём на лодочке по вечерам.
Беззаботно жить, радостно, налегке.
Верить людям и доверять словам.
Остро чувствовать, что неделим, един
С этим небом, облаком и водой.
И когда останешься вдруг один,
Не окажется это большой бедой.
Будут дни шелестеть, как листья у камыша...
А когда истончится волшебная эта нить,
Превратится тело в песчинку, ну а душа
Будет здесь, у озера, вечно жить.

**У ПАМЯТНИКА ГЕОРГИЮ ЭФРОНУ,
СЫНА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ**

Спи, мой мальчик. Всего 19 лет
Отпустила тебе судьба, отняла война.
Пусть бессмертия нет. Но забвения тоже нет.
Мы с тобой выпиваем чашу твою до дна.
Спи, Георгий. Шумит над тобой белорусский лес,
И высокие травы тебе отдают поклон.
Здесь рвались снаряды, и гибли ребята здесь,
А теперь тишина усыпляет, берёт в полон.

Лишь на сельских кладбищах бывает такая тишь.
Пусть условна могила... Но где-то там, в небесах,
Ты – трёхлетний малыш, на коленях мамы сидишь.
И любовь, и нежность, и – страх у неё в глазах.

д. Друйка, Браславский район.

СНОВА В БРАСЛАВЕ ДОЖДЬ

Снова в Браславе дождь. Снова город, как птица,
Опустил до озёр два намокших крыла.
И Дривятам не спится, и Новятам не спится –
Раскололи дожди два озёрных стекла.
Снова в Браславе дождь, и на братской могиле
Промывает он буковки памятных плит,
Чтоб запомнили каждую. Чтоб не забыли,
Всех, кто 70 лет в этих травах лежит.
И отцы, и мужья, и сыночки-мальчишки...
И надеялся выжить в этой бойне любой.
Не свершились открытья. Не написаны книжки.
Не построили дома. Не узнали любовь.
Не увидели сына, не посеяли хлеба...
И никто не воскреснет, не вернётся назад.
Но всё плачет и плачет белорусское небо
Над судьбой убиенных, не поживших солдат.

ВИТЕБСК

Возможно, мы не увидимся,
Но я хочу, чтоб ты знал:
По-прежнему небо над Витебском
Расписывает Шагал!
Его голова кудрявая,
А рядом – её рука...
Закатные, нежные, рдяные –
Шагаловские облака.
А, может, и нам привидится,
И сможем, коль захотим, –
Над тихим уснувшим Витебском
Обнявшись, вдвоём взлетим!

ПЕРЕВОДЫ С АРМЯНСКОГО

(читая Аветика Исаакяна в переводах Беллы Ахмадулиной)

О, таинство чужого языка...
И в переводе я увидеть рада:
Течёт, как время, древняя река
На фоне белых шапок Арарата.

И вечен свет святых монастырей...
 И с неоплатным ликованьем дара
 Мне дарит переводчик-чародей
 Узор неповторимого хачкара.
 Как передать армянских песен звук?
 Вы над строкой замрите на минутку!
 Уже я слышу, как поёт дудук,
 Как плачет абрикосовая дудка...
 О, слава тем, кто рвёт души струну,
 Тому, кто сердце уподобил небу,
 Кто позволяет полюбить страну,
 В которой ты ещё ни разу не был.

ИЗ «КАВКАЗСКОЙ ТЕТРАДИ»

ОПИСЬ ИМЕНИЯ,

оставшегося после убитого на дуэли

Тенгинского пехотного полка поручика ЛЕРМАНТОВА.

Учинена июля 17 дня 1841 года. Пятигорск

...И что оставил в комнате поэт?
 Кровать, сундук, кинжал и пистолет.
 Иконки. Крест серебряный с мощами.
 Ещё оставил пару крепостных,
 Иванов двух. Упомянуть их
 Даётся тут же, в описи, с вещами...
 17 писем. Денег – две шестьсот.
 Блокнот, тетрадь (из кожи переплёт).
 Стихов наброски – «в разных лоскуточках».
 Осталась незаполненной тетрадь.
 Недолго было это описать:
 Шинель... Черкеска...
 Пуля стала точкой.
 И всё же, всё же – что имел поэт?
 Ах, Боже мой, да целый белый свет!
 Любовь. Кавказ. Кремнистую дорогу.
 И коль душа твоя не умерла,
 Ты ахнешь ночью: звёздам нет числа!
 Поэт – живёт!
 Пустыня внемлет Богу!

* * *

...И всё же – засыпаю здесь с трудом.
 Всего в ста метрах – тот кирпичный дом,
 Где Лермонтов в ту ночь перед дуэлью

Быть может, спал. А, может быть, и нет.
Кончался путь. Тревожил лунный свет,
Грозя иной холодной постелью.

На чёрных листьях жидкий лунный воск...
Зачем, зачем он едет в Пятигорск,
Отсюда, от горы своей Железной,
Зачем ему Мартынов, Эмили?
О, лучше в полк, в Чечню, на край земли,
Чем к Машуку и смерти неизбежной.

...И вновь стою весь вечер у окна,
Смотрю на домик, где прошла она -
Последняя бессонница поэта.
О, чу! Гляди, свеча в окне горит.
И вновь звезда с звездой говорит.
Но в нашем веке кто услышит это?

Железноводск, апрель 2016.

* * *

Как серо, скучно пролетела жизнь –
Ни океанских волн, ни гор Кавказа...
Я так мечтаю о тебе, Тифлис,
Ведь в Грузии я не была ни разу.
Но Лермонтов! Но Пушкин! Пастернак!
Но Мандельштам, Есенин, Кушнер, Белла
Мне шлют в стихах призывный ясный знак:
«О, поезжай, полюбишь непременно!»...
И сердце, принимая этот звук,
Уносится в заоблачные выси.
Уже смакую семь волшебных букв,
Как терпкое вино во рту: ТБИ-ЛИ-СИ...
И так щедрь грузинские дары,
Что в каждой строчке – чистый горный воздух.
Вперёд, вперёд, на берега Куры!
Спешу, лечу, пока ещё не поздно...

* * *

Как подарок – утреннее небо:
Перья, завитушки облаков.
Тайнопись, послание... Но где бы
Подобрать к нему десяток слов?
В пушкинских стихах, поэмах Блока,
Бунинской загадочной строке?
Там, где ощутишь дыханье Бога,
Где перо несло в Его руке.

То, что видим, только отголоски...
 Где-то, на небесном этаже,
 Пишут Блок, Цветаева и Бродский.
 И светло от этого в душе.

НОЧЬ РОЖДЕСТВА

Тихо спускается ночь Рождества,
 Ночь откровения, ночь волшебства.
 Кажется, скоро увидишь волхва
 С щедрой котомкой.
 Что-то звезды указующей нет...
 Только встречается пьяный сосед
 С рыжим потомком.
 От Иртыша холодок и туман.
 Что нам песок экзотических стран,
 Краски пустыни?
 Что нам звезда, что когда-то зажглась?
 Но погляди-ка, горит и сейчас,
 Светит доньине.
 Ключья тумана плотны, тяжелы,
 Словно огромные дышат волю
 Ночью январской.
 В сказочный снег превращается пар...
 Вот и Гаспар, Мельхиор, Валтасар
 С ношею царской.
 От ощущения близких чудес –
 Что-то случится сегодня и здесь! –
 Видно, не денусь...
 Слышу сквозь времени зыбкий туман:
 Дышат волю.
 Тихо блеет баран.
 Плачет Младенец.

Павлодар, 6.01. 2015

Григорьева Ольга Николаевна родилась в г. Новосибирске. С 1977 года живёт в Павлодаре. Поэт, литературовед, журналист. Окончила факультет журналистики КазГУ. Автор 15-ти поэтических книг, десяти книжечек для детей, трёх книг очерков, изданных в Павлодаре, Алматы, Омске, Москве. Член Союза журналистов Казахстана, член Союза российских писателей. Награждена почетным знаком «Деятель культуры». Лауреат Первого Национального конкурса «Друг детства». Лауреат Международной литературной премии им. Марины Цветаевой (2008). Лауреат Республиканской литературной премии им. Павла Васильева (2010). Организатор и руководитель музея Анастасии Цветаевой в Павлодаре.

